

Имя Евпатия Коловрата известно в России каждому, кто неравнодушен к истории своего Отечества. Оно появляется в трагическую эпоху крушения древней русской цивилизации под ударом внешней силы. Это имя символизирует мужество и отвагу. Оно встречается практически во всех научных работах и художественных произведениях, посвящённых Батыеву нашествию, и, значит, стало частью русской культуры.

Но за именем всегда стоит реальный человек, и вот об этом-то реальном человеке нам неизвестно практически ничего. Последний герой Древней Руси остаётся одним из самых неизвестных героев русской истории. Порой даже сомнения высказываются: а существовали ли Евпатий Коловрат на самом деле?

Остаётся только одно — отправиться по следам Евпатия Коловрата в трагический и славный XIII век, когда на русские княжества обрушился страшный удар завоевателей.

На книжной полке

Если спросить любителя русской истории, в каком произведении содержится упоминание о Евпатии Коловрате, то большинство, не задумываясь, ответит: «В “Повести о разорении Рязани Батыем”». Наиболее осведомлённые добавят: «Которая входит в цикл повестей о Николе Зарайском». В подтверждение своих слов нам покажут солидное из-

дание «Памятники древнерусской литературы», в оглавлении которого чёрным по белому будет написано название — «Повесть о разорении Рязани Батыем».

На самом деле ответ на вопрос, героем какого литературного произведения является Евпатий Коловрат, несколько сложнее и не лежит на поверхности.

Дело в том, что название «Повесть о разорении Рязани Батыем» — условное. Его дали памятнику изучавшие его историки.

Впервые произведение было опубликовано в 1790 году в сборнике «Русский временник сиречь Летописец, содержащий российскую историю». Издание содержало в себе так называемую (опять условное название) Костромскую летопись, составленную, по мнению специалистов, в первой половине XVII века. Текст «Повести» в сборнике разбили на отдельные части, между которыми вставили в хронологическом порядке отрывки из летописей. Поэтому впервые введший его в научный оборот Н. М. Карамзин и называет источником сведений о Евпатии «Новейший летописец», отмечая в примечаниях позднее происхождение памятника и его меньшую достоверность относительно более ранних и подробных летописей.

Напомним читателю сюжет «Повести».

Через два года после битвы на Калке (1223 год) некоему священнику Евстафию из греческого города Корсунь (Херсонес) явился во сне святой Николай Угодник и повелел взять свой чудотворный образ, находящийся в одной из церквей города, и следовать в Рязанскую землю. Евстафий, сопровождаемый супругой и сыном, взял икону и последовал на Русь. Однако прямой путь по Днепру был по каким-то причинам закрыт, и священнику пришлось совершить плавание вокруг Европы. Через Ливонию он прибыл в Новгород и после некоторых приключений отправился в Рязанскую землю.

Святитель Николай является во сне молодому рязанскому княжичу Фёдорю Юрьевичу и повелевает ему встретить икону, обещая «венец Царствия Небесного» князю, его жене и сыну. Неженатый на тот момент князь сильно удивился, но волю святого выполнил — торжественно встретил икону и перенёс её в область свою (город Красный на Осетре, нынешний Зарайск). Услыхав о новой святыне, в вотчину сына приехал отец — великий князь рязанский Юрий Ингоревич — и на свои средства построил для иконы храм.

В скором времени молодой князь Фёдор Юрьевич женился, «взяв супругу царского рода» по имени Евпраксия, и у них родился сын, наречённый Иваном.

Потом исполняется пророчество — в 1237 году от рук Батыея погибает князь Фёдор Юрьевич, а княгиня вместе с сыном, узнав о его судьбе, бросаются с терема наземь и погибают. Их с честью хоронят, и с того времени икона святого Николая зовётся Заразской, так как княгиня «заразила», то есть убила себя.

Далее снова следует рассказ о приходе к рязанским границам полчищ Батыея, и более подробно описана история гибели князя Фёдора и его семьи. Описан мужественный поход рязанских князей против нахлынувшей рати иноплеменников, их гибель в бою, осада и взятие Рязани. Из Чернигова к сожжённому городу приходит «вельможа рязанский» Евпатий Коловрат. Собрал дружину в 1700 бойцов, он устремляется в погоню за Батыеевой ратью, настигает её, вступает в жестокий бой, громит многие вражеские

полки, убивает «шурича Батыева» Хостоврула (Таврула) и погибает сам, сражённый «тьмочисленными пороками».

В Рязань возвращается князь Ингварь Ингваревич, оплакивает город и князей-братьев, торжественно хоронит их в соборе и становится князем. Повесть дополняется особым списком, в котором перечислен «род служителей чудотворца Николы Заразского», содержащий родословную от перенёсшего икону священника Евстафия до священнослужителей XVI века.

Отдельно текст памятника впервые был опубликован в 1852 году во «Временнике Московского общества Истории и древностей Российских» под заголовком «Приход чудотворного Николина образа Зарайского». Хотя эта публикация и осталась тогда практически незамеченной историческим сообществом, это была первая полная публикация произведения по подлинной рукописи XVI века.

Лишь в XX веке историки и филологи вернулись к изучению произведения в полном объёме. В 1947 году вышла работа известного русского литературоведа и филолога Василия Леонидовича Комаровича «К литературной истории повести о Николле Зарайском», в которой впервые был дан обзор рукописных списков «Повести» и сделана попытка воссоздать историю её написания. Многие идеи Комаровича получили дальнейшее развитие в трудах знаменитого историка и филолога Дмитрия Сергеевича Лихачёва.

Если принять версию Б. М. Клосса о времени происхождения и литературной целостности «Повести о Николле Заразском», можно попробовать ответить на вопрос — зачем автор вставил эпизод с Евпатием в своё произведение? В чём смысл? Композиционно эта история разрывает на части рассказ о доблести и славе рязанских князей. Упомянув приход Батыя, автор в возвышенном тоне описывает мужественное решение рязанских князей не покоряться агрессору, их удасть в безнадежном бою и твёрдую решимость умереть, но не отдаться на милость победителю. Логично было бы после описания их героической гибели поместить плач князя Ингвария Ингваревича о своих родственниках и описание их погребения.

Присмотримся к имени Евпатия Неистового. Для начала обратим внимание на следующую особенность «Повести». Главным действующим лицом первой части является священник Евстафий. В середине произведения выделена княгиня Евпраксия. В последней части — вельможа Евпатий Коловрат. Имена *Евстафий* — *Евпраксия* — *Евпатий* образуют своего рода фонетическую связку, пронизывающую всю повесть.

В отличие от имени нашего героя, Евстафий и Евпраксия — имена довольно обыкновенные. Распространёнными их не назовёшь, но в древнерусских источниках они встречаются. А что же Евпатий? Можно предположить, что Евпатий — это искажённое греческое имя Ипатий, встречавшееся в Древней Руси.

Только в одном регионе имя Ипатий имеет редкую, но всё же употребляемую форму Евпатий — в Северном Причерноморье. Возможно, причиной появления именно такой словоформы стала память о великом государе Митридате IV Евпаторе, который бросил вызов самому Риму. В абхазских горах туристам показывают «пещеру Святого Евпатия», названную так по имени отшельника, подвизавшегося в местных горах.

«Повесть» прямо указывает на греческое происхождение священника Евстафия и намекает на такое же у княгини Евпраксии. В отечественной исторической и околоисторической литературе сложилась традиция считать её гречанкой. Если допустить греческое происхождение Евпатия, то становится понятным, зачем автор повести включил эпизод о его подвиге в своё повествование. Для него Евпатий относился к кругу лиц, связанных с историей перенесения иконы Николы Зарайского на Русь.

Но как черноморский грек стал «вельможей рязанским»? Что означает его прозвище Коловрат? Для ответа на эти вопросы обратимся к греческому следу в истории иконы Николы Зарайского и связанных с ней лиц.

У самого Чёрного моря

В этом же аспекте интересно рассмотреть вопрос о женитьбе князя Фёдора Юрьевича. «Повесть» сообщает следующее: *«Спустя немного лет, князь Фёдор Юрьевич сочетался браком, взяв супругу из царского рода именем Евпраксию. И вскоре и сына родил именем Ивана Постника».*

Впрочем, автор повести не написал «царевна», а применил более обтекаемую формулировку — «из царского рода». Как известно, в Византийской империи правило, сменяя друг друга, несколько императорских династий. Поэтому для русских князей представительницей «царского рода» могла быть любая знатная гречанка, которая на родине о столь высоком титуле и не помышляла. Вполне возможно, визит князя Юрия в Красный после перенесения иконы сопровождался не только храмостроительством, но и консультациями относительно выбора невесты для сына. Несколько лет с момента перенесения иконы до женитьбы князя Фёдора — вполне достаточный срок для проведения переговоров и доставки невесты из Причерноморья в рязанские земли.

Женитьба на представительнице рода византийских государей должна была ещё более укрепить положение князя Фёдора как наследника рязанского престола. Далеко не все в Рязанском княжестве были довольны таким поворотом событий, что и сказалось впоследствии.

Связь Рязанского княжества с византийскими государствами подтверждают и данные археологии. В ходе раскопок в Старой Рязани среди

печатей конца XII века была обнаружена и византийская, с изображением композиции Успения.

Таким образом, в «Повести о Николе Заразском» описываются реально существовавшие контакты Рязанского княжества и византийских государств. И именно в этом источнике мы встречаем единственное упоминание о человеке с именем Евпатий, которое употребляется только в Северном Причерноморье, то есть на землях, принадлежавших в то время Трапезундской империи.

Можно предположить, что появление в Рязани Евпатия связано с историей перенесения чудотворной иконы и женитьбой князя Фёдора. В пользу греческого происхождения Евпатия говорит и сохранившееся в одном из списков «Повести» упоминание его отчества — Львович. Имя Лев, весьма популярное среди византийской знати (одних императоров с таким именем было шесть), на Руси встречалось довольно редко. Конечно, возможно, отчество возникло в списке (к тому же довольно позднем) под влиянием фантазии переписчика, но даже если и так, то он чем-то руководствовался, выбирая именно это имя. Не сведениями ли о византийском происхождении героя?

Обратим внимание на то, что автор «Повести» титулет Евпатия как «вельможу рязанского». Слово «вельможа» в древнерусском языке имело примерно то же значение, что и сейчас, и обозначало знатного, приближённого к власти человека. Однако и тогда оно являлось не титулом, не званием, а скорее, определением.

Возможен и следующий вариант. Именно так — «вельможа рязанский» — был поименован Евпатий в первоисточнике (например в синодике). А произошло это потому, что Евпатий не имел какого-то русского титула или звания, но занимал при этом высокое положение при рязанских князьях. Это, в свою очередь, может быть объяснено его родственными связями с княгиней Евпраксией. Можно допустить, что он приходился ей отцом или братом.

В русском языке зафиксировано два значения слова «коловрат». Самое старое из них подразумевает употребление слова в виде прилагательного — «коловратный» — и говорит о сложности, переменчивости и трагичности. Например, коловратная судьба.

В нашем случае, скорее всего, имеет место это значение. В самом деле, если Евпатий был вельможей при дворе византийских императоров в Константинополе, после разгрома этого города нашёл пристанище в Трапезунде, а оттуда перебрался на Русь, судьба и впрямь получается коловратная.

Ещё раз напомню, что все приведённые выше построения относительно судьбы Евпатия Коловрата — не более чем предположения, имеющие под собой весьма шаткие основания или не имеющие их вовсе.

Итак, Евпатий и Евпраксия, подобно многим своим соотечественникам, прибыли на Русь в надежде обрести новую родину, прочное и надёжное убежище. И действительно, на фоне захваченного крестоносцами Константинополя, балансирующих на грани выживания Трапезундской и Никейской империй княжества Северо-Восточной Руси казались оплотом стабильности и православной веры. ...До рокового 1237 года.

Битва при Коломне

К концу 1237 года единственным не взятым крупным городом Рязанского княжества оставалась Коломна. обороной города руководил князь Роман Ингваревич, постаравшийся сосредоточить здесь остатки рязанских войск. Почему этот князь после сражения на реке Воронеже не помог старшему брату оборонять Рязань, а отступил на северо-западную границу княжества, к своей вотчине? Вряд ли можно говорить о разладе между братьями в столь критический момент. Скорее всего, имел место заранее обдуманый план. Коломна, лежащая на пути во Владимирское княжество, должна была стать местом сбора объединённых сил двух княжеств и их оперативной базой. А потому её удержание было не менее важной задачей, чем оборона столицы княжества.

Сюда же подошёл первый отряд владимирских войск во главе с воеводой Еремеем Глебовичем, который в летописях называли «сторожей». Хотя Юрий Всеволодович и не поверил сразу информации о появлении главных сил монголов на рязанских рубежах и считал более опасным волжское направление, но он всё же выделил небольшие силы (по оценке Д. Г. Хрусталёва, около 2000 человек) для обеспечения связи с Рязанью, направив их к Коломне.

Согласно Ипатьевской летописи, весть о разгроме Рязанского княжества принёс во Владимир некий князь Кир-Михайлович, то есть сын убитого в 1217 году князя пронского Кир-Михаила. После этого известия Юрий Всеволодович двинул к Коломне все силы. Ипатьевская летопись сообщает: *«Послал сына своего Всеволода со всеми своими людьми»*. Численность этого войска историки оценивают в 10–12 тысяч. В его состав входили как собственно владимирская городовая рать и дружина, так и полки других городов. Новгородский летописец упоминает о москвичах, суздальский — о новгородцах, под которыми следует понимать войска, переброшенные из Нижнего Новгорода.

Всего в Коломне под командованием Романа Ингваревича и Всеволода Юрьевича собралось до 15 тысяч русских воинов — самая большая армия, которую смогли собрать русские княжества для открытого сражения с завоевателями.

Коломна того времени была совсем небольшим городом, занимавшим не более шестой части территории Коломенского кремля, построенного в XVI веке. Проживало в городе тогда не более 1500 человек. Разместить под защитой коломенских укреплений столь огромное войско было невозможно, и русские полки расположились в поле. Точное местоположение стана неизвестно, но, по местным преданиям, оно находится на широкой равнине на левом берегу Москвы-реки.

Сейчас эту долину пререзает высокая насыпь автомобильной магистрали М-5 «Урал», но и в таком виде она достаточно просторна, а 800 лет назад была ещё просторнее. Именно здесь объединённое русское войско вступило в сражение с главными силами монголов.

Когда это произошло? Местные предания датируют сражение 1 января 1238 года, историки — несколькими днями позднее: 7–9 января (Храпачевский) и даже «до 10 января» (Каргалов).

Численность армии Батые составляла не менее 70 тысяч человек. Завоеватели имели пятикратное превосходство над русской армией. Тем не

менее русские дружины не дрогнули и смело атаковали врага. Подробного описания сражений в русских источниках не сохранилось. Они сообщают, что битва была ожесточённой, что на поле боя пали геройской смертью рязанский князь Роман Ингваревич и владимирский воевода Еремей Глебович. Князь же Всеволод Юрьевич сумел вырваться из схватки и в «малой дружине» отступил к Владимиру.

Очевидно, что летописцам просто неоткуда было черпать информацию. Подавляющее большинство участников сражения пали на поле боя, многие из уцелевших погибли при обороне Владимира, в битве на реке Сить и других схватках с монголами. Единственная подробность, попавшая в летописи, говорит, что превосходящие силы неприятеля окружили русские войска («оступиша их татарове у Коломны») и оттеснили к передовым укреплениям крепости — надолбам.

То, что русские летописцы немного знали о ходе сражения, подтверждается тем, что ни в одну из летописей не попало упоминание о главном успехе русских воинов в этом бою — уничтожении сына Чингисхана царевича Кулькана — единственного Чингизида, погибшего во время всего западного похода. Поскольку, по монгольским обычаям, место военачальника — позади боевых порядков, это означает, что русской коннице или в первом мощном ударе, или при прорыве из окружения, но удалось буквально разметать тумен и прорвать его насквозь. До 1237 года этого не удавалось никому из противников «покорителей Вселенной», и ещё долго никому не удастся повторить подвиг.

О гибели Кулькана сообщает в своей хронике персидский автор Рашид ад-Дин. Он же отмечает мужество и отвагу русского князя Урмана — Романа Ингваревича.

После разгрома русской армии монголы взяли штурмом и сожгли Коломну. Город, большая часть гарнизона которого, несомненно, приняла участие в сражении и погибла на поле боя, не мог противостоять атаке объединённой монгольской армии. Со страниц летописей Коломна исчезает на несколько десятилетий. Разорив город, войско завоевателей выступило в направлении Москвы.

Однако история событий вокруг Коломны и сражения за неё имеет страницы на первый взгляд незаметные, но для нашей истории очень важные.

Кто убил Кулькана?

Как уже отмечалось выше, гибель хана Кулькана осталась для русских источников незамеченной. Русские летописи вообще не знают других царевичей и полководцев в 1237–1238 году, кроме «царя Батыя». Единственный источник, в котором говорится о гибели одного из родственников Батыя, — это «Повесть о Николе Заразском», эпизод, посвящённый последней битве Евпатия Коловрата.

Где и когда она произошла? Многие историки относят её ко времени событий под Коломной или непосредственно перед ними. Насколько это согласуется с текстом «Повести»?

Согласно ему после взятия Рязани Батый *«ещё больше разъярился и ожесточился, и пошёл на Суздаль и на Владимир, собираясь Русскую землю*

пленить, и веру христианскую искоренить, и церкви Божии до основания разорить».

Это в целом согласуется с движением монгольской армии на северо-запад в сторону пределов Владимирского княжества.

Преследуя «вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы».

В этой фразе мы имеем сразу два указания на место действия. Во-первых, отряд Евпатия атакует неприятеля не на марше, не при осаде, а именно в станах, то есть в лагере. Оценивая скорость перемещения монгольской армии по Русской земле, исследователи говорят о высоком темпе и непрерывном характере этого марша. Монголы разбивали лагерь только при длительной остановке или для осады. Это в целом согласуется с тем, что нам известно об организации походов армии завоевателей из монгольских и других зарубежных источников. Соответственно, станы Батыевы могли быть только под стенами осаждённых городов. Ближайший к Рязани город, под которым монголы достоверно делали остановку, — это Коломна.

Во-вторых, автор говорит о расположении этого стана «в земле Суздальской». Можно предположить, что автор подразумевает ядро Владимирского княжества вокруг городов Суздаля и Владимира, ту территорию, которую издавна называли «на Суждали». Но не вяжется с краткостью сюжета: действие следует очень быстро — «погнались и едва догнали». Фраза «едва догнали» указывает на погоню за движущейся целью, которую и настигли благодаря остановке.

Не забудем и указание одной из редакций «Повести» на дату погребения Евпатия — 11 января, как раз после Коломенского сражения.

До сих пор не было предпринято попыток связать известные нам сведения о Коломенской битве и сюжет «Повести о Николе Заразском». Историки справедливо указывают на то, что описание последней битвы Евпатия Коловрата выдержано в эпическом стиле, насыщено метафорами и обычными для таких сцен преувеличениями. Тем не менее некоторую информацию об этом сражении выделить можно.

Нападение рязанцев оказалось для завоевателей неожиданным: *«Внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные».*

Монгольская армия уделяла большое внимание безопасности своего передвижения и лагерей. На марше выделялись дозоры, порой довольно многочисленные, место для лагеря выбиралось особенно тщательно и охранялось ночными и дневными караулами.

Достичь внезапности помогло то, что дружина Евпатия подошла со стороны поверженной Рязани, откуда монголы удара не ждали. Они для того и устроили жестокую резню, чтобы не опасаться за свой тыл. Неудивительно, что рязанские дружинники произвели на завоевателей впечатление восставших из мёртвых.

Однако паника длилась недолго — монгольское командование быстро среагировало на угрозу и первым делом постаралось захватить пленных: *«Едва поймали татары из полка Евпатьева пять человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю Батюю, а царь Батый стал их спрашивать: “Какой вы веры, и какой земли, и зачем мне много зла твори-*

те?» Они же отвечали: «Веры мы христианской, рабы великого князя Юрия Ингваревича Рязанского, а от полка мы Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингваревича Рязанского тебя, сильного царя, почествовать, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу — рать татарскую»».

Вряд ли монголов интересовали вопросы вероисповедания, а вот откуда пришли неведомые враги, для них имело принципиальное значение. Судя по маршруту движения завоевателей, их разведка сочла кратчайший путь от Рязани к Владимиру через мещерские леса непроходимым. Но вдру разведчики ошибались, и на тылы монголов вышел авангард главных сил Великого княжества Владимирского? Тогда план битвы под Коломной нуждался в кардинальном пересмотре. Но сведения, полученные от пленных, несколько успокоили Батю — на его тылы напал не авангард большого войска, а лишь небольшой отряд. Но и это нападение требовало внесения изменений в планы монгольского командования. Его войска были развёрнуты для сражения с объединёнными силами Рязанского и Владимирского княжеств, и передвигать какую-то часть для отражения непредвиденной угрозы значило вносить неразбериху в тщательно выработанный план сражения.

Поэтому против Евпатия были брошены относительно небольшие силы, превратившиеся под пером автора «Повести» в «сильные полки татарские», во главе которых стоял некий Хостоврул, «шурич царёв», пообещавший Батю привести рязанского воеводу живым.

Кто же был этот хвастливый военачальник? Имя Хостоврул — уникально и более нигде, кроме «Повести о Николе Заразском», не встречается. В некоторых редакциях «Повести» противник Евпатия носит имя Товрул или даже Таврул. Последняя форма встречается в некоторых редакциях другого известного памятника русской литературы — «Сказания о Мамаевом побоище», где этим именем обозначен противник инок Пересвета в поединке, предшествующем Куликовской битве. (Чаще он именуется Челубеем).

Можно предположить, что автор «Повести о Николе Заразском», человек начитанный и книжный, был знаком со «Сказанием о Мамаевом побоище» (создание этого памятника обычно датируют XV веком) и заимствовал из него понравившееся по каким-то причинам имя, чтобы использовать его в схожей ситуации.

Но можно предположить и другое, что Таврул (Товрул, Хостоврул) — это не имя, а прозвище или даже термин, означающий воина-поединщика. Не случайно он пытается одолеть Евпатия именно в личном единоборстве. Но кто был этим Таврулом? Обратим внимание на то, что в описании Рашид ад-Дина гибель Кулькана предшествует описанию сражения при Коломне: «После того они овладели также городом Ике (по мнению специалистов, город на Оке — Коломна). Кулкану была нанесена там рана, и он умер. Один из русских эмиров по имени Урман (Роман) выступил с ратью, но его разбили и умертвили».

Где же Кулькан получил свою рану? Обычно историки указывают (и это мнение приведено выше), что монгольские военачальники не участвовали лично в сражениях, предпочитая руководить боем из тыла. Но из этого правила были исключения. Так, разные источники отмечают

боевитый характер будущего великого кагана Менгу. Согласно монгольской летописи Юань Ши при осаде Рязани *«Менгу вместе с чжуваном Бату дошёл до города Рязань, самолично сражался в рукопашную и сокрушил его (город)»*. Рашид ад-Дин сообщает о поведении этого хана во время взятия Владимира.

«Они (русские) ожесточёно дрались. Менгу-каан лично совершал богатырские подвиги, пока не разбил их». Возможно, и Кулькан решил отличиться в рукопашной схватке, лично схватился с дружиной Евпатия и пал в поединке.

Это не более чем предположение, основанием которого может служить только один факт: единственный родич Батя, гибель которого отмечена в русских источниках, — это некий Таврул, павший под Коломной от руки Евпатия Коловрата.

Гибель Таврула-Кулькана наверняка внесла определённую сумятицу в ряды монголов, но их командование сумело справиться с ситуацией. Согласно тексту *«Повести»*, против Евпатия и его дружины были использованы камнемёты: *«Навели на него множество орудий для метания камней и стали бить по нему из бесчисленных камнемётов, и едва убили его»*.

Этот фрагмент традиционно считается специалистами наименее достоверной частью истории Евпатия. Камнемёты XIII века в принципе было невозможно применить в полевых сражениях, тем более против конного противника. Дело в том, что главным поражающим фактором этого оружия является не скорость снаряда, а его вес. Летит камень, выпущенный из метательной машины, весьма медленно, и внимательный человек легко от него увернётся. К тому же точность этого оружия была весьма низкой — попасть по такой обширной мишени, как крепостная стена, она, конечно, могла, но в одиночного человека не смог бы попасть и самый умелый мастер. К тому же метательные машины, применявшиеся армией Батя, были неподвижными. Их каждый раз собирали заново на месте осады, используя привезённые с собой детали и местные материалы. Так что просто выдвинуть их к месту боя, тем более навести на группу русских воинов, было совершенно невозможно.

Некоторые современные историки выдвигают версию, что автор *«Повести»*, не сильно разбиравшийся в военном деле, предположил, что камнемёты могут действовать подобно современным ему артиллерийским пороховым орудиям, из которых в описанной ситуации действительно можно было расстрелять упорно сопротивлявшихся воинов.

Однако история с «пороками» (так в тексте названы камнемёты) может иметь и куда более простое объяснение. Дело в том, что «пороки» упоминаются не во всех редакциях *«Повести»*. В более ранних версиях это описано следующим образом: *«Наводиша на Евпатия множество саней с нарядом и едва одолеша»*. Ещё Дмитрий Иванович Иловайский рассматривал этот эпизод как достоверную деталь: *«Мне случалось слышать предание о каком-то рязанском богатыре-разбойнике, который был убит точно таким же образом»*. Вряд ли разбойника расстреляли из камнемётов или пушек.

Рязанский писатель Василий Ряховский, автор повести о Евпатии Коловрате, предложил простое и логичное объяснение истории с «пороками». По его мнению, ключевое значение в этой фразе имеет слово не «пороки» или «наряд», а «сани». В его произведении монголы используют

сани из своего обоза для того, чтобы ограничить свободу перемещения дружины Евпатия, после чего расстреливают её из луков.

Откуда же взялись «пороки»? Дело в том, что слово «наряд» в XVI–XVII веках имело в русской военной терминологии определённое значение, фактически совпадавшее с современным словом «артиллерия». «Воевода у наряда» — это начальник артиллерии войска. «Большой наряд» — тяжёлые пушки, и т.д. Переписчики знали, что пушки появились позже XIII века, и начали заменять показавшийся им несоответствующим времени термин «наряд» на «пороки», которым в русской литературе традиционно назывались метательные и осадные машины. К тому же использование камней более наглядно подчёркивало мысль автора «Повести», что монголам не удалось одолеть Евпатия в рукопашном бою, и им пришлось прибегнуть к более мощному средству.

Однако, скорее всего, автор «Повести» под «нарядом» на санях имел в виду не пушки, а награбленную завоевателями добычу. И ключевую роль в гибели Евпатия сыграли именно сани, которыми враги отгородились от грозных мечей рязанской дружины.

У Святого Спаса...

Согласно тексту «Повести», тело Евпатия было принесено врагами к самому Батыю. Хотя в первую очередь мы видим традиционный для эпической литературы сюжет, но некоторая степень достоверности есть и тут — после боя монголы часто представляли военачальнику головы убитых вражеских военачальников в качестве подтверждения своей победы.

Батый произносит над телом Евпатия речь, в которой отдаёт должное мужеству и воинскому умению погибшего героя: *«О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малою своею дружиною, и многих богатейрей сильной орды моей побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня — держал бы его у самого сердца своего»*. После чего отдал тело Евпатия уцелевшим воинам его дружины для погребения.

Историки отмечают, что некоторое благородство было свойственно монголам вообще и Батыю в частности. Историки разных народов посмертно называли Батю «Саин-хан», что переводится как «добрый», «мудрый» или «благоразумный». Во многих восточных, кавказских и даже русских источниках приводятся примеры справедливого и даже благородного поведения этого правителя по отношению к покорённым им народам. Правда, большинство таких примеров относится ко времени, когда Батый из завоевателя превратился в правителя покорённых им земель. Впрочем, можно вспомнить и то, что после взятия Киева он милостиво обошёлся с попавшим в плен руководителем обороны города — тысяцким Дмитрием. Не стал он преследовать и потомков князя Василько Константиновича Ростовского, отказавшегося ему служить и казнённого за это на Сити.

Поэтому благородство по отношению к поверженному врагу вполне могло иметь место.

Где был погребён Евпатий? В одном из списков «Повести» сохранились сведения, что уцелевшие соратники похоронили своего вождя в Спасском соборе Рязани, и указана точная дата этих похорон — 11 января 1238 года.

Если принять предположение, что Евпатий погиб непосредственно перед Коломенской битвой или во время её, то дата и место погребения выглядят правдоподобными.

Почему был выбран именно Спасский собор? В древней Рязани было три каменных храма: стоящие неподалёку друг от друга в южной части города Успенский и Борисоглебский соборы и стоящий отдельно, в северо-западном краю, Спасский собор.

Историки предполагают, что этот храм был построен после 1198 года, когда была учреждена особая, отдельная от Черниговской, Муромо-Рязанская епархия, во главе которой поставили епископа Арсения. Бывший прежде княжеским храмом Борисоглебский собор передали новому владыке, и он стал епархиальным. Для князя и выстроили новый храм в другой части города. Строили его смоленские мастера, был он кирпичным, стройным и относительно небольшим. По своим размерам и плану рязанский собор был очень близок к церкви Архангела Михаила в Свирской слободе в Смоленске, которая сохранилась до нашего времени.

Похороны Евпатия в княжеском соборе Рязани — ещё одно указание на его родственную связь с рязанскими князьями. Для простого «вельможи рязанского» быть захороненным в придворном княжеском соборе — великая честь.

К сожалению, в литературе, посвящённой раскопкам в Старой Рязани, слабо освещается судьба городских храмов после 1237 года. По примеру других русских городов можно предположить, что каменные здания стали последним оплотом защитников, очагом последнего, самого отчаянного сопротивления. Некоторые из них, как Десятинная церковь в Киеве, были разрушены осадными машинами завоевателей, но большинство, хотя и пострадало, но уцелело. Некоторые дожили до нашего времени. При этом наблюдается следующая закономерность: в наибольшей степени сохранились храмы, ремонтные работы в которых произвели сразу после ухода завоевателей. Те же, до ремонта которых руки дошли не сразу, впоследствии разрушились частично или полностью. Так во Владимире сохранились Успенский и Дмитровский соборы, которые приводили в порядок уже в 1238 году. А вот собор в Боголюбове сразу не отремонтировали, и он погиб при перестройке в XVII веке. Та же судьба постигла храмы в Суздале, Кидекше, Юрьеве-Польском и Ростове — от них уцелела только нижняя часть, встроенная в существующие ныне здания.

Ни один из рязанских храмов после событий 1237 года не упоминается в письменных источниках. Впрочем, в них вообще немного упоминаний о Рязани. К моменту появления на городище первых археологов от соборов уже ничего не осталось. Сыграло свою роль и то, что местные жители активно использовали руины былых храмов на камни для строительства.

Спасский собор обнаружили при раскопках 1888 года. Археологи предположили, что храм погиб от сильного пожара — «при разборе строительного мусора обнаружено много угля и золы, куски сплавленного металла, меди, олова, вероятно от кровли». Таким образом, скорее всего, Спасский собор Рязани погиб во время штурма города.

В самом соборе и рядом с ним археологи нашли около 60 захоронений, относящихся к началу XIII века. При этом отмечается крайняя простота и даже аскетичность погребений. Если в Борисоглебском соборе были

обнаружены саркофаги, то здесь — лишь простые деревянные гробы. Рядом с собором археологи обнаружили страшную находку — груды черепов: очевидно, завоеватели устроили тут место казни защитников и жителей города. А вот следов захоронений после 1237 года археологи, которые тщательно обследовали остатки собора, не нашли.

Так значит, автор версии «Повести о Николе Зараском», в которой говорилось о похоронах Евпатия в Спасском соборе, ошибался? И место погребения героя осталось неизвестным?

Среди коломенских преданий, связанных с событиями 1237 года, особое место занимает легенда о «Батыевой печати». На северной стене самого древнего каменного храма города — Зачатия Иоанна Предтечи на Городище — есть резной камень с изображением единорога, который в народе зовут «Батыевой печатью». По преданию, после Коломенской битвы монгольские воины нашли тело князя Романа Ингваревича и принесли его своему повелителю. Батый сказал: «Этот князь храбро сражался. Негоже бросать его тело на поругание. Приведите ко мне их священника». И привели к нему настоятеля городищенского храма. Спросил его хан: «Какое погребение у вас считается самым почётным?» Тот ответил: «В храме Божиим». И сказал Батый: «Тогда возьми этого воина и похорони его с честью. А я дам ярлык этому храму — знак охраны, чтобы никто не смел нарушить покой князя. И будет сей храм стоять нерушимо, покуда сохранится на нём печать моя».

В действительности церковь Зачатия Иоанна Предтечи на Городище была построена в первой половине XIV века. По местным церковным преданиям — в 1308 году. Упоминаний о существовании на её месте более древнего храма не обнаружено.

Это предание удивительным образом перекликается с финальной частью истории Евпатия Коловрата. Если соединить их, то получается, что монгольский предводитель только и делал, что произносил речи над павшими врагами.

Другое коломенское предание говорит о том, что князь Роман Ингваревич был погребён в Спасском монастыре — самой древней обители города. Хотя первые сведения о нём и относятся к 1379 году, по мнению краеведов, монастырь существовал и раньше — возможно, ещё до монгольского нашествия.

Древняя обитель дожила до монастырской реформы императрицы Екатерины II. Монастырь упразднили, а храмы обратили в приходские. В советское время все строения монастыря уничтожили. По воспоминаниям коломенских старожилов, во время сноса главного храма монастыря обнаружили древний каменный склеп, в котором находились два белокаменных саркофага. Их обследовала некая комиссия из Москвы и датировала XIII веком. Но работа учёных была прервана, склеп и его содержимое уничтожены, а на месте собора построено трёхэтажное здание.

Это предание позволяет предположить следующее: после Коломенской битвы к Батыю принесли тела поверженных врагов — князя Романа Ингваревича и «вельможи рязанского» Евпатия Коловрата. Предводитель завоевателей проявил благородство и разрешил уцелевшим русским дружинникам похоронить своих вождей. Местом погребения избрали Спасский монастырь — возможно, что он не был сожжён, так как находился вне

границ тогдашнего города. Тогда получает своё объяснение и упоминание в одной из редакций «Повести о Николе Заразском» похорон Евпатия в Спасском соборе. Они действительно состоялись, только имелся в виду не рязанский, а коломенский храм.

Останки героев находились под главным храмом монастыря вплоть до его уничтожения. Где когда-то находился древнейший монастырь Коломны, сейчас кипит городской авторынок. Новые сокрушители России оказались менее благородными, чем завоеватели образца 1237 года...